

От главного редактора

Новая восточная политика и экономические реалии

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

DOI: 10.14530/se.2015.2.007-011

Провозглашенный в конце 2013 г. «национальный проект XXI в.», которым определен «подъем Сибири и Дальнего Востока», с тех пор приобрел статус чуть ли не новой «восточной политики» России. Политический истеблишмент вообще не склонен предаваться размышлениям исторического свойства, руководствуясь правилом «если история не соответствует конъюнктурным интересам, то тем хуже для истории». Российская экономико-политическая элита в этом отношении не является исключением. Иначе чем можно объяснить, что государственная политика развития Дальнего Востока (и Байкальского региона) представляется чуть ли не новым феноменом российской стратегии глобального экономического поведения?

Конечно, такое представление является поверхностным и неверным. Эта политика имеет давнюю историю, и ее траектория весьма далека от монотонности и «гладкости». Об этапах и особенностях акцентов, инструментов и режимов регулирования на этом долгом пути много написано и неоднократно говорено на разных уровнях и разными авторами, специально на этом останавливаться не было бы смысла, если бы не постоянное «хождение по кругу».

За период 2009–2015 гг. в государственной политике развития востока страны произошла смена акцентов. В 2009–2012 гг. основной идеей являлось накачивание региона государственными инвестициями, поддержание уровня государственного спроса и увеличение на этой основе темпов экономического роста и масштабов экономики. Увеличение объема финансовых ресурсов, связанное с развитием корпоративных экспортных проектов, являлось положительным шоком для макроэкономической динамики в регионе.

Однако проблему собственно развития региона кратковременные инвестиционные шоки не решали, хотя благотворно сказывались на динамике экспортного сырьевого сектора как на самом Дальнем Востоке, так и в Сибири, благодаря наращиванию транзитной и добывающей инфраструктуры. Собственно же региональное развитие основывается на формировании инфраструктуры доступа к коммунальным благам и общественным фондам, транспортной инфраструктуре, обеспечивающей мобильность граждан, условий и механизмов генерации доходов в рамках регионального бизнес-сообщества.

ства, создании комфортной бизнес-среды, формировании режима открытой экономики в регионах концентрированной экономической деятельности [1]. А для этого, прежде всего, необходима не инвестиционная накачка (хотя если она есть, то дело упрощается), а выращивание эффективных экономических институтов и формирование для них адаптивной среды функционирования.

С 2013 г. в связи с ухудшением общей макроэкономической ситуации в России объективно пришлось сменить акцент в области политики развития на Дальнем Востоке — вместо накачивания государственных средств в инвестиционные проекты речь пошла о наращивании финансовых вливаний в инфраструктуру институциональных новаций на Дальнем Востоке, которые призваны сделать регион процветающим и современным. Одной из таких новаций, которая предлагается в качестве абсолютно нового и безусловно эффективного инструмента развития, является концепция территорий опережающего развития (ТОР). В действительности эта концепция является примитивным копированием хорошо известных методов регионального развития, которые часто приносили успех (Франция, КНР, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия). Но успех отнюдь не гарантирован и достигался не всегда. Для Дальнего Востока в разные периоды эта концепция преподносилась как особые экономические зоны (ОЭЗ), полюса роста, зоны ускоренного роста, даже как плановые кластеры [1]. Особого успеха так и не было достигнуто. Скольконибудь глубокого анализа причин неуспеха также не предпринималось.

Возможен ли успех теперь? При определенных условиях — да. Но для этого недостаточно просто а) выделить территорию, б) обеспечить ее инфраструктурой, г) предоставить на этой территории налоговые и административные льготы. Все это — необходимые условия. Главное (и достаточное) условие успеха — возможность эффективного предпринимательства на этих территориях. Бизнес интересуется снижением налогов, но прежде всего он интересуется длительным прибыльным функционированием.

Но есть и еще одна проблема: если ТОРы — инструмент для развития территории, то главная проблема — распространение эффектов на окружающие ТОРы территории, которые могут достигать состояния эндогенного развития за счет запуска агломерационных эффектов. Но это произойдет только в том случае, если эффекты межрегиональной и межотраслевой кооперации окажутся сильнее эффектов специализации и конкуренции. Предполагаемые же территории использования ТОРов (Дальний Восток и Восточная Сибирь) представляют собой как раз противоположный случай.

«Территории опережающего (по сравнению с окружающей периферией) развития» и на Дальнем Востоке, и в Байкальском регионе уже давно сформировались — это территории повышенной концентрации экономической активности [5]. Возможно ли усилить уже получаемый эффект и подключить

новые зоны концентрации? Наверное. Но главное условие для этого – конкретно определить конкурентное преимущество таких зон. Это не одинаковый и даже не льготный по сравнению с Восточной Азией административный и налоговый режимы. Эти режимы могут и должны быть фоном для развития бизнеса вообще на территории хотя бы Дальнего Востока. Но и при их наличии успех могут принести только конкретные экономические преимущества.

Существует и еще один не очень популярный и не очень приятный вопрос, на который в случае обоснования чрезвычайных мер по отношению к Дальнему Востоку и чрезвычайных затрат для реализации этих мер приходится отвечать: что именно не устраивает в состоянии экономики региона, почему нужны меры чрезвычайные? На самом деле ни с точки зрения экономического роста, ни с позиций показателей качества экономики и социального развития чего-либо катастрофического при сравнении с параметрами развития иных макрорегионов страны нет. Есть, конечно, желательные для решения задачи формирования узнаваемого Северо-Восточной Азией (СВА) экономического пространства меры, которые следует осуществить в обозримом будущем (модернизация инфраструктуры доступа населения к общественным и коммерческим услугам, гарантия свободы передвижения, создание максимальной плотности рынка труда, товаров и услуг) [1; 2]. Но для этого уже недостаточно просто институциональных новаций, нужны масштабные инвестиции, и не в магистральную инфраструктуру, а в инфраструктуру коммунальную, социальную и инфраструктуру рынка.

Конечно, необходимо понимать, что даже если и найдутся на это деньги, то без модернизации институциональной среды реализация этих мер невозможна. Модернизация должна быть не точечной, а представлять собой изменение общей институциональной оболочки хотя бы в пределах экономически активной зоны Дальнего Востока. Создание такой оболочки станет условием создания современного и конкурентоспособного на пространстве СВА региона. А на пространстве России – региона, имеющего решающие инфраструктурные и институциональные преимущества по сравнению с другими регионами страны. Вот тогда задача ускоренного развития Дальнего Востока будет решаться и важнейший проект страны в XXI в. перестанет быть всего лишь пропагандистским лозунгом. В противном случае останется лишь верить в то, что на этот раз очередной чудесный рецепт даст положительный результат.

Но вот найдутся ли деньги? И когда? Любые региональные общеэкономические проекты развития являются конкурентными, то есть должны конкурировать за общественные, в том числе и бюджетные, инвестиции с другими региональными проектами, входящими в пул национальных приоритетов. С этой точки зрения Дальний Восток как приоритетный реципиент общественных ресурсов испытывает сильную конкуренцию со стороны Республики Крым и

Севастополя. В наличии самой по себе межрегиональной ресурсной конкуренции нет ничего страшного и необычного, но она налагает дополнительные требования к масштабу реально имеющихся для распределения ресурсов. В общем случае чем больше страна имеет приоритетных региональных объектов, тем выше требования к объему самих ресурсов и к его стабильности, то есть к состоянию и перспективам общенациональной экономики. А состояние последней внушает серьезные опасения, что обесценивает даже гипотетическое удачное построение механизма распределения экспортных доходов, полученных за счет ресурсов региона. Ключевым пунктом будет являться размер этих доходов, что опять-таки определяется состоянием общей экономической конъюнктуры.

Ухудшение экономической ситуации началось задолго до введения западных санкций. Причина заключалась в выбранной модели экономического развития, которая возникла как реакция на кризис 1998 г., за которым последовали девальвация рубля, рост мировых цен на нефть и импортозамещение. Нежелание менять эту модель вполне способно превратить нынешние экономические трудности в серьезную и долговременную проблему даже безо всяких санкций. Краеугольный камень этой модели — денежно-кредитная политика, которая последние почти 20 лет проводится на принципах рыночного фундаментализма. Теорема о росте темпа инфляции и скорости оттока капитала пропорционально росту денежной массы за счет инструментов ЦБ России превратилась в аксиому, хотя действительно успешные страны из числа развивающихся продемонстрировали, что эта теорема неверна, а монетаристские тезисы в практике развивающихся рынков малоприменимы [3].

Собственно говоря, крушение финансовой пирамиды под напором санкций уже фактически поставило в повестку дня изменение экономической политики. Необходимость конвертировать внешние валютные заимствования частного сектора во внутренний спрос на валютные ресурсы привело к льготному валютному кредитованию со стороны ЦБ России [4]. Это помогло несколько стабилизировать валютный курс и одновременно поставило вопрос о долговременном источнике валютных резервов ЦБ России. Таким источником может быть в условиях долговременных санкций только рост внутреннего производства и диверсификация на этой основе экспорта. Однако экономический рост невозможен без смены принципов политики экономического роста в России, в частности, без изменения принципов таргетирования политики ЦБ России. Придется определиться с целями политики — верность монетаристскому фундаментализму или долгосрочная стабилизация платежного баланса, иллюзия контролируемой инфляции или экономический рост. Разумная политика может основываться только на разумном сочетании рациональных норм и принципов, содержащихся в различных теоретических концепциях. Критерием синтеза может быть только положительный тест, по-

лученный в результате реального эксперимента. Таких экспериментов проведено уже предостаточно и в самой России, и за ее пределами. Есть из чего выбрать.

Ссылки на то, что для такого выбора и для реализации сконструированной на его основе политики нет кадров, несостоятельны. Альтернатива создателям российского экономического аттракциона есть. Нужна только политическая воля для собирания команды не подражателей и демонстражников, а творцов и созидателей. И еще следует избавиться от страха, что от перемен может стать еще хуже. Не станет. Хуже некуда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Минакир П.А.* От главного редактора // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 7–11.
2. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток, 2011. 912 с.
3. *Штатов Д.* Снять «смирительную рубашку» с российской экономики. URL: <http://bankir.ru/publikacii/s/snyat-smiritelnuyu-rubashku-s-rossiiskoi-ekonomiki-10006420/> (дата обращения: 20.05.2015)
4. *Gorunov A.* Russian International Economic Integration in the New Economic Reality // *Russian Economy and Korea-Russia Cooperation: New Challenges and Perspectives*. 10th KIEP – ERI Joint International Seminar (June 9–10, 2015, Jeju). Seul: KIEP, 2015. Pp. 91–99.
5. *Minakir P.A.* Russian Economy and Economic Policy for Russian Far East Development // 5th Far Eastern Russian-Korean Forum (June 16, 2015, Khabarovsk). Pp. 9–18.

NEW EASTERN POLICY AND ECONOMIC REALITIES

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Professor, Doctor of Economics, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

REFERENCES

1. Minakir P.A. From the Chief Editor. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2014, no. 1, pp. 7–11. DOI: 10.14530/se.2014.1.007-011. (In Russian).
2. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Edited by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011, 912 p. (In Russian).
3. *Shatov D.* *Remove a Straitjacket from the Russian Economy*. Available at: <http://bankir.ru/publikacii/s/snyat-smiritelnuyu-rubashku-s-rossiiskoi-ekonomiki-10006420/> (accessed 20 May 2015) (In Russian).
4. *Gorunov A.* Russian International Economic Integration in the New Economic Reality. *Russian Economy and Korea-Russia Cooperation: New Challenges and Perspectives*. 10th KIEP – ERI Joint International Seminar (June 9–10, 2015, Jeju). Seul: KIEP, 2015, pp. 91–99.
5. *Minakir P.A.* *Russian Economy and Economic Policy for Russian Far East Development*. 5th Far Eastern Russian-Korean Forum (June 16, 2015), Khabarovsk, pp. 9–18.